

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

90

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2025 Issue 90

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 90

М.: Аквилон, 2025. — 416 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 90

Moscow: Aquilo-Press, 2025. — 416 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2025
© Институт всеобщей истории, 2025
© Издательство «Аквилон», 2025
© Журнал «Диалог со временем», 2025

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ОПЫТ ОТКРЫТИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ ТРУДЫ РАДЖЕНДРОЛАЛА МИТРО И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ БЕНГАЛЬСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Основываясь на анализе исторических трудов бенгальского учёного, автор рассматривает достижения Раджендролала Митро в области исследования индийской истории. Первый профессиональный историк, он был носителем особого опыта научного «открытия Индии» и её истории в эпоху Бенгальского Возрождения. Митро преодолел традиционное индийское пренебрежение историей и отсутствие историописания с помощью европейского исторического подхода и методов. Он принимал во внимание все доступные источники по индийской истории – от священных и иных текстов до архитектуры и скульптуры – в своих скрупулёзных попытках реконструировать историю региона (Ориссы) и восстановить общий облик и путь древней истории Индии. Статья проливает свет на общее понимание Митро индийской истории как комплексного взаимодействия рас (ариев и дравидов) и религий, а также на его теоретические установки: следование сравнительно-историческому методу, отвержение мифологизирующего взгляда на собственную историю, внимание к социальной истории повседневности и убеждение в общности человечества. Многосторонние и разнообразные труды Митро можно расценивать как признак эффективного развития исторического сознания интеллектуальных элит эпохи и основание для молодой исторической науки модернизирующейся Индии.

Ключевые слова: Бенгальское Возрождение, историческое сознание, универалистский подход, сравнительный метод, история Древней Индии, социальная история.

Познание истории Индии, развернувшееся в эпоху национально-культурного ренессанса в Бенгалии XIX – первой трети XX в.¹, было интегральной частью особого феномена сознания индийских интеллектуалов, удачно названного у Дж. Неру «Открытием Индии»². Постигание своей страны, развернувшееся в общественной мысли разных регионов Индии, охватило практически все сферы и измерения её бытия, и теоретические представления о родной стране вместе с интерпретацией содержания общественной жизни и культуры были немыслимы без обращения к исторической эволюции общества. Бенгалия была первым регионом, в котором процесс «открытия Индии» развернулся во всё его разнообразие и богатство³, и начиная с родоначальника ренессансных процессов Раммохана Рая (1772–1833) открытие родной истории сделалось постоянной темой интеллектуальной жизни, а объектом профессиональных исследований – начиная с Раджендролала Митро⁴.

Опыт профессионального исследования истории Индии заслуживает пристального внимания уже потому, что для индийских интеллектуалов познание истории страны было эпистемологической и социально-философской проблемой. Общим контекстом её формирования было

¹ См.: Dasgupta 2011; Dasgupta 2012.

² Неру 1989.

³ См. Скороходова 2022: 160–206.

⁴ См.: Скороходова 2017.

традиционное сознание и соответствующее ему восприятие времени и человека в нём, которое доминировало до установления британской власти в Индии и продолжало сохраняться после признания Ост-Индской компании субъектом власти на колониальных территориях (1773). Несмотря на «очень долгую традицию письменной культуры, производившей многочисленные тексты с признанной исторической целью или ценностью»⁵, Индия представляла удивительный пример цивилизации, которая, существуя в реальной мировой истории человечества в социальном времени, не сформировала ни выраженного исторического сознания, ни отчётливой исторической памяти, связанной с сохранением в условном общественном сознании важных событий жизни, ни особой традиции историописания. Пренебрежение ко времени и истории доминировало среди большинства народов, исповедовавших религию под обобщённым названием индуизма. Несмотря на стремление доказать присутствие исторического мышления в Индии с древности, Е.Ю. Ванина констатирует, что «брахманскую» культуру отличало «представление о том, что время практически “стоит на месте”»⁶. Его не изменили события Средневековья, когда при власти мусульманских завоевателей в Индии развилась традиция фарсиязычного историописания: усилия мусульманских историков не вызвали интереса традиционных учёных элит, а брахманы и тогда не озаботились выяснением истоков своей культурной традиции. Не останавливаясь на особенностях индийского религиозного историзма⁷, отнесём его к особенностям цивилизации Индии вслед за Л.Б. Алаевым: «Нельзя оспорить, что индийцы не интересовались своей историей до тех пор, пока не появилось национальное сознание. И дело здесь не в “недостатках” индийского взгляда на мир, а в его особенностях. Сравнение Индии с Китаем, где историография служила легитимации власти, показывает, что индийские государи искали своей легитимации не в истории, а в другом, в своей связи с богами или в доказательстве своего *дхармического* поведения»⁸.

Исток формирования интереса к себе, своим культуре, обществу и истории, к собственной осознанной идентичности относится к началу трансформации традиционного общества в Британской Индии. Историческое сознание в качестве интегрального компонента национального самосознания стало продуктом мышления интеллектуалов и феноменом индийской социальной модернизации. Решение проблемы познания истории страны оказалось весомым слоем его становления, в котором ведущую роль играли интеллектуалы Бенгалии.

Содержание проблемы может быть описано как два условных слоя: социально-философский и эпистемологический. В первом слое формулируется вопрос о *наличии* истории у Индии как субконтинента

⁵ Sarkar 2010: 6.

⁶ Ванина 2014: 20.

⁷ См.: Хазанов 2002; Алаев 2018.

⁸ Алаев 2013: 9.

на фоне открытия истории Индии европейскими учёными с конца XVIII в.⁹ Процесс открытия родной истории бенгальцами и выработки подходов, методов и принципов её познания относится к эпистемологическому слою проблемы; он направляется целью – восстановить ход истории, открыть её *подлинную* и понять её смысл. На этом уровне, помимо обращения к истории за обоснованием реформ и первых попыток обобщения смысла истории страны, развивается научное наследование прошлого, которое включает анализ источников, фактографию и фактологию, оценку и интерпретацию прошлых событий и процессов.

Большую часть жизни посвятил решению вышеназванной эпохальной проблемы познания истории Индии Раджендролал Митро, по праву считающийся «первым оригинальным¹⁰ историком, обучившимся западным методам»¹¹, «первым профессиональным историком в Бенгалии»¹², «первым международно признанным учёным»¹³. Ему не очень повезло с признанием современников и соотечественников, как и исследователей Бенгальского Возрождения. Арун Кумар Бисвас с горечью сетует, что научные движения эпохи, одним из архитекторов которой был Раджендролал Митро, несправедливо игнорируются в исследованиях¹⁴. Развитию научного (прежде всего естественнонаучного) знания в Бенгалии девятнадцатого столетия, пробуждению интереса к познанию природы методами европейской науки посвятил главы своих содержательных монографий Шуброто Дашгупто¹⁵, но места Раджендролалу Митро в них, к сожалению, тоже не нашлось, как и в «Историографии истории Индии» Л.Б. Алаева. Об историке есть книги на бенгали; его роль рассмотрена и в контексте развития истории науки¹⁶. Он создал образец научной работы в этой области вместе с теоретическим фундаментом для неё. Знаменитый писатель и социолог Бонкимчондро Чоттопаддхай считал, что Раджендролал Митро более чем кто-либо «способен восстановить историю своей страны» Бенгалии¹⁷. Рабиндранат Тагор, вспоминая свои встречи с ним в юности, назвал его *шоббоиачи* (многосторонней личностью) и «экспертом по всем вопросам» – «он сам по себе был академией»¹⁸. «Было очень мало вопросов, которые не были бы им изучены; и всё, что он изучал, он умел чрезвычайно ясно излагать», – продолжал Тагор и с горечью замечал, что и после смерти соотечественники не признали его, – видимо, потому, что «главные его

⁹ См. Kopf 1969: 22–41; Dasgupta 2012: 23–36.

¹⁰ Этот буквальный перевод слова отражает положение Митро среди современников, следовавших пересказам работ британских историков. См. Mukherjee 1958, 360–366.

¹¹ Ibid.: 368.

¹² Bhattacharia 2015: 46.

¹³ Ghosh 2000: 67.

¹⁴ Biswas 2012: 396

¹⁵ Dasgupta 2011; Dasgupta 2012.

¹⁶ См.: Poddar 1977: 210–214; Ghosh 2000; Biswas 2012.

¹⁷ Bankim 1954: 331.

¹⁸ Tagor 1961–1965: XI, 140.

успехи были достигнуты не на ниве бенгальской литературы, и потому, естественно, он не смог завоевать сердце своего народа»¹⁹.

Семья Раджендролала принадлежала к небрахманской касте *ка-ястха* (писцов), генеалогия рода восходила к VIII–IX вв. истории Бенгалии. Один из его прадедов служил при дворе наваба Муршидабада, дед Бриндабончондро Митро был близким другом и соратником Раммохана Рая, а отец, Джанмеджой, был первым бенгальцем, изучавшим западную химию. Год рождения третьего из шестерых сыновей последнего – Раджендролала – неточен: 1822 или 1824. Окончив частную школу в Калькутте, юноша поступил в Хинду Колледж, где его однокашниками были будущие поэт и драматург Майкл Модхушудон Дотто, общественный деятель Раджнарайон Бошу, писатель и социолог Бхудеб Мукхопаддхай. Но систематического профессионального образования Раджендролал не получил, т. к. не завершил курса ни в Медицинском колледже (из-за студенческих волнений), ни курса юриспруденции²⁰. Решающую роль в дальнейших занятиях сыграло знание языков; следуя семейной традиции, он овладел санскритом, урду, фарси и хинди, позже изучил французский, греческий и латынь. На общий склад мысли Раджендролала самым серьёзным образом повлияло пребывание в атмосфере духовных исканий и философских дискуссий религиозно-реформаторского общества Брахмо Самадж, возрождённого после кончины Раммохана Рая усилиями Дебендронатха Тагора. Имя Раджендролала значится среди членов общества «Тоттободхини Шобха» (бенг. «Общество ищущих истину»), основанного Дебендронатхом Тагором 6 октября 1839 г. ради распространения веры в единого Бога (Брахмо) и знания о нём; впоследствии оно вошло в Брахмо Самадж. Раджендролал был и среди авторов и издателей журнала «Тоттободхини потрика» (бенг. «Журнал ищущих истину»), основанного Д. Тагором и Оккхойкумаром Дотто²¹.

Судьбу Митро как историка определило старейшее научное учреждение – Азиатское общество Бенгалии²². В 1846 или 1848 г. он получил место библиотекаря и был назначен его секретарём, и проработал там вплоть до кончины в 1891 г. митУченый «собрал, перевёл и издал несчётное множество санскритских текстов, которые пролили поток света на культурное наследие Индии и раскрыли новые широкие пути в исследованиях индологии»²³. Он сотрудничал с британскими индологами, которые поддерживали его усилия и впоследствии, признав его заслуги, избрали первым индийским президентом Общества.

Эпоха Возрождения в Бенгалии явила миру множество личностей многогранного «ренессансного» типа, не просто проявивших себя сразу в нескольких сферах творчества, но во многом бывших создателями

¹⁹ Там же: 140–141, 142.

²⁰ Biswas 2012: 397.

²¹ Ibid. 377–389.

²² См.: Серебряный 1989.

²³ Poddar 1977: 211.

самих себя (self-made) благодаря самостоятельному освоению знания в различных сферах. Из этих self-made бенгальцев рекрутируются первые просветители, учёные, популяризаторы науки, инициаторы развития местных научных исследований и школ. К ренессансным личностям относится и Митро. Параллельно работе в Азиатском обществе (библиотекарь и помощник секретаря в 1846–1856, секретарь в 1857–1861, вице-президент 1861–1865, 1870–1884, с 1885 – президент), он сотрудничал в научных журналах на бенгали, которые издавал Комитет по литературе на местных языках в «Обществе школьной книги» (School Book Society, с 1817), – «Бибидхартхо Шонгрохо» (бенг. Vividhārtha saṁgraha, «Собрание полезных очерков», 1851–1859) и «Рохошшо Шондорбхо» (бенг. Rahasya Sandarbha, «Занимательные очерки», 1863–1868). Впечатляет один только перечень бенгальских статей, написанных Р. Митро для журналов на различные темы в области науки: от биологии, физики и химии до географии, социологии и истории культуры. Он писал статьи и на острые социальные темы, критиковал полигамию, детские браки, кулинизм и другие индуистские обычаи²⁴.

Ко времени погружения Митро в исторические исследования британские индологи уже проделали серьёзную работу и сформировали основы научного изучения истории Индии с древности до Нового времени²⁵. Немалую лепту в исследование её литературных памятников внесли и бенгальские учёные – помощники и сотрудники в основанных в Калькутте учебных заведений (Колледже Форты Уильяма и др.). Начиная с трудов Раммохана Рая, в Бенгалии развивалась историческая мысль – понимание *историчности* бытия общества в настоящем как связанном с прошлым и открытым будущему; её носителям-интеллектуалам, которые были склонны с интересом вглядываться в прошлое в поисках ответов на вопросы о современности в Индии, до поры было достаточно общих («школьных») знаний. Самим индийцам стало ясно, что *история у Индии есть*, и вполне древняя – как её реальное существование во времени, хотя последовательно не зафиксированное в нарративе. Как импортированная наука, история оказалась очень кстати для местных интеллектуалов с европейским образованием, размышляющих о текущем состоянии общества и буквально открывающих для себя Индию. Отсюда – ясно сформулированный молодым учёным и общественным деятелем Кришномоханом Банерджи (1813–1885) императив: «Если изучение истории имеет такое огромное значение для человечества вообще, то насколько более важно оно для людей, находящихся в нашем положении! Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдох-

²⁴ Biswas 2012: 397–398.

²⁵ Алаев 2013: 16–78.

новляться стойким гражданским духом»²⁶. Исследование истории полагается одним из столпов морального и интеллектуального возрождения страны. Первые исторические штудии членов группы «Молодая Бенгалия» и труды в этом смысле явились практическим ответом на императив постижения родной истории и феноменом её открытия.

В общем контексте исторического сознания своего времени Митро ответил на призыв научного изучения индийской древности, разрабатывая конкретные сюжеты в статьях, и это было началом его трудов. В течение 1855–1887 гг. он написал около 38 научных статей в широком диапазоне тем, среди которых санскритская эпиграфика Матхуры, надписи на медных печатях эпохи Гуптов, дарение земель царями Канауджа, индусские и мусульманские монеты, архитектура храмов эпохи Гуптов, ритуалы древнейшей Индии, пищевые предпочтения. В частности, он доказал, что древние (ведийские) арии широко употребляли в пищу говядину. «Он мог с лёгкостью переходить от памятных записей династии Сенов в Бенгалии (1855) к сравнительному изучению сходства буддизма и язычества германских племён Европы (1858), или об истории расовой («О тождестве Тораманы Эрана, Гвалиора и Кашмира», 1861 к лингвистическим исследованиям («О происхождении языка хинди и его отношении к диалекту урду», 1864), – пишет Бималапрошад Мукерджи. – Он мог с глубокой проницательностью писать о предполагаемом тождестве греков и *явана* у санскритских авторов (1874) и о представленных на фресках Аджанты иноземцах»²⁷.

Очевиден реалистический подход Митро к прошлому Индии: история *была* как развитие во времени народов субконтинента, её можно *открыть*, применяя научные методы и опираясь на все доступные источники, и *восстановить*, т. е. реконструировать. Основываясь на своём знании письменных источников, Митро при этом убеждён, что *традиция* исторического повествования в Индии отсутствует. «Ни Ганеша, индусский покровитель мудрости, ни Сарасвати, богиня учёности, по всей видимости, никогда особенно не поощряли историю и, как следствие, индийская литература почти полностью лишена подлинно исторических летописей. Двадцать тысяч томов и по сей день свидетельствуют о литературной деятельности индийских приверженцев выше-названных божеств, и почти каждую область древней учёности возделывают свои серьёзные и преданные служители. <...> Но Индия никогда не рождала своего Ксенофонта или Фукидида, и её герои и их могучие подвиги, её величие и её древнейшая цивилизация, в которой они живут, – живут только в песнях»²⁸, – с этой констатации Митро начал Введение к первому тому книги «Древности Ориссы» – итогу работы 1868–1869, инициированной заместителем генерал-губернатора Бенгалии Уильямом Греем под эгидой Правительства Индии. Понимание

²⁶ Банерджи 2024: 182.

²⁷ Mukherjee 1958: 369.

²⁸ Mitra 1875–1880: I, 1.

специфики индийского традиционного отношения к истории помогло ученому выстроить основы методологии исследования древности.

В исследовательском опыте Митро безусловно присутствует европейская школа исторического научного познания, воспринятая благодаря общению с британскими ориенталистами своего времени и чтению трудов первых индологов У. Джонса и Г.Т. Коулбрука. Видимо, с того времени Митро стал убеждённым сторонником исторического метода в реконструкции индийской истории, позволяющего привлекать все доступные первичные источники, включая археологические и памятники «материальной культуры», не пренебрегать вторичными источниками. Он стал *специализироваться* на исторических исследованиях, применяя заимствованные у европейцев методы исторического познания, в т. ч. методы археологии, эпиграфики, палеографии, нумизматики, истории искусств. Это вполне адекватно на фоне отсутствия в его распоряжении собственных методов, равно как и самой науки и повествования об истории Индии. Смысл и символика трудов Раджендролала связаны с пониманием того, что заимствование инструментария познания не препятствует научному постижению истории собственной страны, которая хотя и не написана, но *свершилась в прошлом*.

Значительную роль в развёртывании исторических исследований Раджендролала сыграла интеграция его сознанием «бэконова подхода к науке»²⁹. Со времён Раммохана Рая, считавшего лорда Бэкона Веруламского ключевой фигурой интеллектуального поворота XVII в. в Европе, бенгальские мыслители разделяли убеждение в первостепенной значимости предложенного им пути познания от эмпирии к теории, от скрупулёзного постижения собранных фактов к выводам, обобщениям и построению теории. «Духом Бэкона» пронизаны не только просветительские начинания Митро³⁰, но и его исторические труды.

Наряду с индуктивным методом реконструкции истории по источникам Митро придерживался определённого *общего* понимания истории Индии, задававшего не только видение её с древнейших времён (подход), но и модель работы историка. Это представление о ней как об истории цивилизации на крупном субконтиненте, которая наряду с общей эволюцией во времени складывается из истории её областей/регионов. Общность происходит из обнаруживаемых (в т.ч. эмпирическим путём по источникам) в разнообразии её регионов общих черт и характеристик бытия её народов и культур. Эта общность проявляется и в таком аспекте культуры, как отношение к истории и к хронологии – отсюда признание общего для древнеиндийской цивилизации равнодушия к истории в качестве фиксирования последовательности событий и познания – на фоне развитых сфер познания от наук (астрономия, математика, логика и риторика, медицина и др.) и философии до литературы³¹.

²⁹ Ghosh 2000: 68.

³⁰ Ibid: 70–72; Biswas 2012: 398.

³¹ Mitra 1875–1880: I, 1.

На этом признании основана исходная установка Митро. Он подчёркивал и затруднения с датировкой событий: аутентичные даты «современных или предшествовавших исторических явлений» с трудом обнаруживаются в очень немногих книгах древности, несмотря на стремление «индийских мудрецов» развить «основательную научную хронологию» и созданные ими схемы исчисления прошедших времён. Безразличием к истории и недостоверностью дат и хронологии определяются «недостатки письменной истории», т.е. письменных источников исторических данных. Но и источников материальной культуры, данных археологии и памятников ушедших эпох, могущих пролить свет на индийскую древность, тоже недостаточно: «немногое из того, что осталось, способно поведать о своей истории с соответствующей точностью, достойной потребностей историка». Несмотря на эту малообещающую перспективу, историк сохраняет оптимизм: «нет границ для человеческого познания; и многого можно достичь усердием и трудолюбием даже в тех областях, которые на первый взгляд кажутся мрачными и запретными». Поэтому любые источники – письменные или архитектурные памятники (monuments) – могут, по убеждению Митро, служить трудолюбивому историку «в качестве анналов цивилизации», включая мифологические тексты, царские указы и своды законов, языки, художественную литературу, ритуалы религии, предметы быта, скульптуру и храмы. Всё имеет историческую ценность, поскольку отражает интеллектуальное состояние людей и сообществ, их социальные отношения и повседневную жизнь³².

Личный исследовательский опыт Р. Митро, который работал с санскритскими текстами в Азиатском обществе с одной стороны, а с другой – вёл полевые исследования в Ориссе (Бхубанешвар, Конарак, Пури, пещерные комплексы Кхандагири и Удаягири), вёл его по пути воссоздания истории Индии, исходя из всего доступного диапазона источников. Источниковедческая работа в Азиатском обществе исподволь формировала способность видеть исторические сведения в повествованиях и трактатах *любого* рода. Бэконов эмпиризм и его индуктивное движение от на первый взгляд разрозненных фактов к обобщению вместе с духом экспериментирования, приложенные Раджендролалом к реконструкции социальной истории конкретного региона, задали модель работы историка: воссоздавать историю страны по данным источников от конкретных регионов, в постоянном соотношении их истории с общим ходом истории субконтинента.

При явном недостатке достоверных сведений о политической истории Раджендролал переносит акцент на историческое бытие обществ. В Предисловии к первому тому «Древностей Ориссы» он отметил две цели проделанной работы: 1) «описать и сохранить в разных формах (включая графическую) древности», т. е. монументы, сохранившиеся в Ориссе, – следуя «указаниям лорда Каннинга в резолюции об индийских древностях»; и 2) «отметить в них те самые выдающиеся особен-

³² Ibid.: 1–2.

ности, которые, как мы рассчитываем, прольют специальный свет на социальную историю эпох, к коим они относятся»³³.

Решая частные исследовательские задачи, своими трудами Митро показывал современникам два взаимно дополняющих друг друга пути исторического познания: 1) определение общего хода истории цивилизации на субконтиненте на основе литературных источников общеиндийского характера и источников, созданных в других странах, но упоминающих Индию и повествующих о ней; 2) максимально подробное исследование материального, социального и духовного наследия, сохранившегося от предшествующих эпох, чтобы получить более или менее последовательную картину если не исторического процесса, то событий, повлекших за собой важные исторические изменения.

В 1875 и 1880 вышли 2 тома «Древностей Ориссы» – источниковедческий труд, где преобладает описание сохранившихся памятников культуры региона. Обобщающий труд «Бодх-Гайя: наследие Шакьямуни» о Будде и связанных с его жизнью священных местах вышел в 1877–1878. В 1881 г. Р. Митро издал двухтомник «Индоарии: содействие выяснению их Древней и Средневековой истории», а совместно с историком культуры Хоропрошадом Шастри издал книгу «Санскритская буддийская литература Непала» (1882). В книгах отражены не только результаты постижения и реконструкции прошлого, но и собственно опыт преодоления затруднений в реконструкции истории Индии и решения проблемы познания истории страны. В этом смысле особенно значимыми представляются «Древности Ориссы» и «Индоарии»; первые как решение эпистемологических задач, вторые – как выход на социально-философские обобщения.

История Ориссы раскрыта в книге Митро в первую очередь как история области, населённой преимущественно народом ория (уткала), но она тщательно вписана в общеиндийский исторический контекст. С одной стороны, историк тщательно прослеживает по всем доступным ему санскритским текстам происхождение народа одра/удра, включая истоки этнонима и географического названия Орисса (искаж. санскр. Одра-деша, «страна одров»)³⁴. Бóльшая сохранность памятников её истории обеспечена периферийным положением и природными границами, оберегающими от потрясений.

С другой стороны, канву реконструкции древней и средневековой истории Ориссы создаёт уже известный молодой индологии ход истории индийского субконтинента, прямо и косвенно отображённый в источниках. Источников, к которым обращается Раджендролал Митро, довольно много, и не только индийских: здесь и авторы греческие (Арриан, Плиний), и китайские (Фа Сянь, Сюань Цзан), и мусульманские хроники Моголов. Этимологические изыскания Раджендролала подтверждают местное происхождение народов и племён Ориссы – дра-

³³ Mitra 1875–1880: I, iii.

³⁴ См.: Ibid.: 2–4.

видское, «неарийское»; они вполне древние, хотя и не упоминаются в гимнах Ригведы. В «Махабхарате» Орисса «была описана как дикое место, а её народ – как варвары, которым неизвестны ритуалы Вед»³⁵. Раджендролала отличает замечательное искусство чтения источника; он не только не пропускает ни одного косвенного указания на интересующие его страну и народы, но и *отсутствие* упоминаний как в эдиктах императора Ашоки (III в до н. э.), так и у Арриана (I–II в н. э.) служит восстановлению хода истории. С появлением буддийских источников проясняется история региона, теперь известного как буддийское царство Калинга³⁶. Его население с распространением буддизма при Ашоке всё больше включается в общий поток истории, хотя и находится на периферии. В это время китайские путешественники говорят о ней как стране множества буддийских монастырей и темнокожего народа, глубоко почитающего Будду³⁷.

Если в VII г. н. э. буддизм в Ориссе «сохраняет полную силу», то затем брахманы подчиняют его своему влиянию: «Работа с религиозными чувствами народа», которой не чуждались в своё время и буддисты, а в I тыс. н. э. вели брахманы, превратила Ориссу в индуистский регион. «Индуистские храмы Ориссы и их исключительная святость очевидным образом обязаны этой политике, поскольку с седьмого века мы находим эту область упоминаемой в индуистских сочинениях, и уже не как местопребывание живущих за пределами кастовой системы (outcasts) варваров, какими их представляла «Махабхарата», но как избранная богами обитель»³⁸. В этом качестве города Ориссы Бхубанешвар и Пури пураны упоминают как местопребывание Шивы и Вишну.

Соотнесение истории Ориссы с историей древней Индии, тем не менее, ещё не решает сложной проблемы реконструкции. «Ни один из вышеупомянутых [во Введении] источников не содержит ничего похожего на реальную историю, – подчёркивает Митро. – Все они претендуют на описание областей, городов, деревень, священных мест, священных потоков и источников, смывающих грехи; но они ничего не говорят об их размерах, границах, расположении, – ничего, что относилось бы к людям, которые жили там или поблизости, или о правителях, под чьей властью они пребывали»³⁹. Иными словами, историк заявляет об объективном предмете профессиональных изысканий – социальной и политической истории, – которой в индийских источниках просто нет, как нет и хронологии событий – даже хронологии правления владык («С начала и до конца не найти ни одной даты»). Минимально соотнести мистическое и земное время и быть «руководством по гражданской истории Ориссы» могла бы хроника храма Джаганнатха в Пури, но сведений о

³⁵ Ibid.: 5, 8

³⁶ Ibid.: 5–6.

³⁷ Ibid.: 8.

³⁸ Ibid.: 9.

³⁹ Ibid.: 11.

реальной истории региона в ней нет. Несмотря на это, Митро всё же реконструирует социальную историю региона, содержащего «некоторые из реликвий прошлого, оплакивающих утраченную цивилизацию и уничтоженное величие»⁴⁰. Исследование орисских древностей в двух томах стало описанием опыта преодоления затруднений самим ученым.

Описание памятников культуры – храмов, их устройства, скульптуры орисских городов – Р. Митро поставил в контекст общего хода индийской истории с древности, тем более что и «индусские», и «буддийские» древности региона позволяют предположить их связь с индийской цивилизацией от её древних истоков. На материале архитектуры Раджендролал ставит вопрос о преемственности культурных форм во времени и пространстве, тем более что в этой области британские учёные выработали ряд интерпретаций происхождения индийских архитектурных форм и стилей – в большинстве они трактовались как заимствованные из других культурных регионов. Историк тщательно пересматривает их аргументы в 1 главе 1 тома («Древность и классификация индийской архитектуры»). Прежде чем создавать картину социальной жизни и повседневности создателей храмов и скальных построек Ориссы, Р. Митро с опорой на санскритские источники доказал свою гипотезу о существовании оригинальной индийской архитектурной традиции и опроверг аргументы о греческом влиянии⁴¹. Для него орисские древности не только эстетически значимы («орисская школа»)⁴², но являются материалом для понимания социальной истории Индии.

Митро отметил, что в этой реконструкции образцом ему служил труд Гарднера Уилкинсона «Древние египтяне», и выразил надежду, что «придёт время, когда станет возможно проследить такую же социальную историю Индии – по меньшей мере, для значительного периода её древности. Материалов для такой работы не так мало, как кажется»⁴³. Он сам начинает её, одновременно продолжая на орисском материале похожую деятельность А. Фергюсона, ещё в 1843 г. представившего описание фресок Аджанты Азиатскому обществу. Показательно здесь понимание бенгальским учёным характера работы историка: это реконструкция картины образа жизни по свидетельствам источников, «разработка» (developing), а не восстановление процесса исторической эволюции; при этом он видит как историческое единство изучаемой цивилизации, так и известную её «прерывность», чему свидетельством дробность и отделённость друг от друга во времени и пространстве как индийских регионов, так и сохранившихся в них памятников.

Главным источником реконструкции картины социальности стали скульптурные изображения храмов Бхубанешвара и Конарака; на первый взгляд, в них нет сцен, которые не были бы «приусици челове-

⁴⁰ Ibid.: I, i.

⁴¹ Ibid.: 14–19.

⁴² Ibid.: 56–76

⁴³ Ibid.: 77.

скому роду во всякой части света». Это тоже в известной мере интеллектуальный вызов, и на него историк отвечает в 4 главе I тома: «Среди них (скульптур. – Т.С.), тем не менее, есть некоторые группы, представляющие огромный интерес, и даже отдельно взятые фигуры небесполезны в качестве данных о нравах, обычаях, традициях и идеях своего времени»⁴⁴. Прекрасно понимая пространственные, этнические, религиозные и иные отличия региона от других, Митро убеждён в присутствии в большинстве областей страны целого ряда признаков социальной жизни древних индийцев и косвенных указаний на неё, и объясняет их общностью происхождения народов разных областей.

Цивилизационное происхождение индийцев Митро содержательно связывал с социальными процессами – взаимодействием пришедших в древности на субконтинент ариев с дравидским автохтонным населением. И логически, и исторически неверно полагать полное отсутствие влияния осевших и распространившихся по всей Индии ариев на автохтонные народы, пусть даже и на дальней периферии цивилизации. «Цивилизация ариев – и сейчас есть неопровержимые свидетельства, чтобы это показать, – распространилась почти по всей Индии задолго до того времени, когда были созданы достойные упоминания скульптуры, и было бы безрассудным полагать, что социальная жизнь и искусство в каждой провинции продолжали следовать исключительно собственным путём, совершенно не затронутые их влияниями. Две формы цивилизации вряд ли могут пребывать в контакте любой период времени, не влияя друг на друга, как не могут две противоборствующие силы встретиться без столкновения. Языки и религиозные системы разных рас (race) Индии являют самые безошибочные свидетельства в пользу этого закона, и почему бы не допустить, что они равным образом встречаются в домашнем быте и социальной жизни?»⁴⁵.

Исходя из принципов преемственности «орисских древностей» с наследием цивилизации ариев и взаимного проникновения культурных черт в жизни индийских народов, Раджендролал развернул детальное описание быта и культуры ория, отражённых в скульптурных изваяниях. Складывается впечатление, что ничто не укрылось от пронизательного взора историка из Калькутты: от одежды, обуви и украшений до мебели, посуды и утвари, от домашней жизни лесных отшельников до повседневной жизни воинов, от музыкальных инструментов до разнообразных средств передвижения – всему нашлось место в описании. Серьёзную роль играет и принцип комбинирования данных разных источников, и соотнесение фактов, воплощённых в произведениях древнего искусства, с фактами социальной жизни, присутствующими в виде знаков и символов в санскритской литературе от Ригведы до Рамаяны.

Ещё один предмет исторического познания в «Древностях Ориссы» – история религий; Раджендролал задал контекст понимания па-

⁴⁴ Ibid.: 78.

⁴⁵ Ibid.

мятников духовной культуры в 5 главе I тома («Религия строителей храмов»), описывая во II томе конкретные пещеры, храмы и священные места (Кхандагири, Удаягири, Бхубанешвара, Пури и Конарака). Восприятие истории региона как истории религий во многом обусловлено характером археологических находок и памятников – это преимущественно храмы, пещеры, места поклонения; но столь же весомо и периферийное к брахманистскому порядку положение Ориссы, с ним активно конкурировали джайнизм и буддизм.

Определяя степень включённости ория в эволюцию религиозной жизни на субконтиненте, Р. Митро предположил, что этот народ, по всей видимости, тамильского происхождения, эволюционировал от первобытной элементарной веры в духов и божеств, олицетворяющих силы природы и вполне жестоких (требующих умиловствления), к включению в более высокие религиозные практики, называемые «индусской верой», пришедшей от ариев. «Две таких замечательно непохожих формы человеческих сообществ, как древние аборигенные урия и индусы, не могли ужиться вместе без того, чтобы среди них не началось брожение. Сильный должен был возобладать над слабым, и позволим себе предположить, что и там, как и в других частях Индии, история арийской цивилизации повторилась, изгоняя из их домов в горные и лесные убежища самых упрямых и решительных, т. е. тех аборигенов, кто более всего был привержен независимости; и объединяясь, хотя и не полностью, с более послушными и стоворчивыми, допуская их в границы индуизма как подчинённую расу»⁴⁶.

Затем история региона продолжилась во взаимодействии и конкуренции «вырождающейся формы индуизма» и буддизма, чьи памятники встречаются по всему региону, а история начинается с IV–III вв. до н. э. и продолжается почти тысячелетие, «до времени Сюань Цзана»⁴⁷. Поддерживавшийся как «государственная религия», буддизм в регионе (как и повсюду) сосуществовал с индуизмом и в итоге был вытеснен шиваизмом и вишнуизмом. Описывая первый как «индуистскую» форму богочитания, Митро обсуждает его тамильское (дравидское) происхождение – одинаково обоснованные и опровержимые аргументы за и против, а затем вписывает сюжет о Шиве и символику его почитания в широкую эволюцию человечества: и Шива, и его ведийский предтеча Рудра у историка предстают специфической формой универсального феномена⁴⁸. Столь же обстоятельно историк обозначил трансформации вишнуизма от почитания «великого бога ведийских времён» до средневековых течений бхакти, включая почитание Джаганнатха в Пури. Вместе с этими богами Р. Митро анализирует и культ солнечного божества в Ориссе по забытому храму («Чёрная пагода») в Конараке, и возводит это «солнцепоклонство» (heliolatry) к ариям (Сурья в Ригведе).

⁴⁶ Ibid. 135.

⁴⁷ Ibid.: 135–136.

⁴⁸ Ibid.: 137–143.

«Древности Ориссы» в контексте развития исторического знания в Бенгалии самым фактом появления показали не только «величие утраченной цивилизации», но и итог научной работы историка, следующего принципам и методам исторического познания Нового времени. Внимательный читатель-интеллектуал мог буквально учиться методологии исторического исследования у Митро, включая навык постановки и решения научных задач в ситуации разрозненности источников, фрагментарности данных и отсутствия исторических нарративов минимум как жанра литературы. Кроме того, «Древности Ориссы» были примером историко-культурного описания региона, встроенного автором в общую ткань истории цивилизации со времени появления ариев на субконтиненте. В этом смысле Орисса с её историческими памятниками служит носителем и восприимчиком достижений предшествовавших веков, что преломилось в региональных условиях и воплотилось в её архитектуре и скульптуре, монументах и надписях. История региона интегрирована не только в историю цивилизации, но и в историю древнего мира и историю человечества, и это *помогает* пониманию и интерпретации разных аспектов её жизни в историческом времени.

Неудивительно, что в 1881 г., публикуя двухтомное собрание своих исторических трудов «Индоарии: содействие выяснению их Древней и Средневековой истории»⁴⁹, Раджендролал Митро снова переиздал в I томе 1–4 главы «Древностей Ориссы».

«Индоарии» по форме представляют собой объединённые проблемно-тематически и логически труды Р. Митро, написанные в разное время и в основном опубликованные в ‘Journal of the Asiatic Society of Bengal’ и ‘Proceedings of Asiatic Society of Bengal’; охватившие широкий диапазон проблем древней и средневековой Индии. В первом томе подняты темы повседневной жизни в связи с современными обычаями и социальными установками. В частности, историк выяснил сравнительно позднее происхождение запрета на жертвоприношения и забой коров и на употребление в пищу их мяса⁵⁰ («Говядина в Древней Индии»)⁵¹. В рационе древних индийцев говядина присутствовала; при всех трудностях датировки Митро проследил становление запрета на её употребление от ограничений в трактате Чарака-самхита (VI–V вв. до н. э.) и до полного исключения под влиянием буддизма⁵². Как часть социальной истории исследованы употребление спиртных напитков и светские развлечения – пиры, праздники с участием танцовщиков, певцов и актёров, драматические представления и т. д. Среди тем – придворный церемониал («Имперская коронация в Древней Индии») и религиозные обряды (человеческие жертвоприношения, погребальные церемонии); первобытность ариев, вопросы истории языка (происхож-

⁴⁹ Mitra 1881.

⁵⁰ См.: Васильков: 2019.

⁵¹ Mitra 1881: I, 354–388.

⁵² Ibid. 372, 387–388.

дение санскритского алфавита, история хинди и т. д.), попытка восстановить данные о жизни Ашоки, история династий Палов и Сенов.

В «Индоариях» присутствуют теоретические размышления, проливающие свет на научные установки автора и его социально-философские взгляды на историю. Раджендролал Митро предстаёт стойким приверженцем применения в исторической науке сравнительного метода и показывает его в действии при описании и интерпретации индийской скульптуры (на материале «орисской школы») – сопоставления с критской («школа Дедала»), этрусской, древнеегипетской и ассирийской скульптурой. Его подход задан убеждением в общей природе человечества несмотря на его разделённость во времени и пространстве. Здесь нетрудно проследить влияние на Р. Митро универсализма в понимании человеческой природы и гуманизма Брахмо Самаджа. Третья глава «Индоариев» начинается с прекрасного откровения, достигающего уровня философии истории: «Трактую скульптурные изображения природных объектов, необходимо помнить о человечности людей в каждой части этого мира. Подобно тому как поэты, обращающиеся к одним и тем же предметам, – жизни и душе человека – создают похожие образы, несмотря на то, что их лира настроена в жарких тропиках, мягком климате умеренных широт или сковывающем холодом севере, то должно быть и скульпторы, стремящиеся запечатлеть в камне природные объекты, достигают похожих результатов, так как в первом случае различия происходят из-за неодинаковой одарённости и местных условий, то и в последнем случае должен быть такой же результат. Таким образом, когда Вальмики и Гомер воспевают один и тот же предмет, то местные сравнения остаются в стороне, и результат должен быть похожим, безо всякого обмена идеями между ними; и похожим образом Фидии в Греции и в Индии (ведь такие люди существовали везде) создавали прекрасный идеал совершенства в каждой стране, ничего не заимствуя друг у друга. Там, где интеллектуальные и художественные способности различны, результаты необходимо будут неодинаковыми; но повсеместной тенденцией должна быть одна и та же цель, и более или меньшее сходство должно проявиться сообразно обстоятельствам, благодаря факту, что человеческий ум повсюду тот же самый, и стремится к похожим целям»⁵³.

Отдельные главы («Пикник в древней Индии», «Говядина в Древней Индии») резонируют с проблематикой общественных тем и дискуссий современной Митро Бенгалии, где ортодоксы-индуисты и традиционалисты идеализируют прошлое и ничтоже сумняшеся продвигают исторические мифы. Раджендролал тонко указывает мыслящему читателю «Индоариев» на элементарное отсутствие достоверного знания у местных мифотворцев-традиционалистов, не взявших на себя труда прочтения текстов, на которые они так любят ссылаться. Например, люди в ведийские времена совсем не были тотально религиозными

⁵³ Ibid.: 93–94.

и совсем не проводили повседневную жизнь в ритуалах и церемониях, а делегировали бремя ритуалов священству⁵⁴. Далее весь раздел историк посвящает светской жизни древних – какой она предстаёт в литературе на санскрите, в т. ч. в эпических поэмах.

Труды Раджендролала Митро решали частные исследовательские задачи, но все вместе задавали некоторое видение истории Индии с древнейших времён – подтверждённое данными источников, последовательное во времени – несмотря на прерывность и региональную дробность. При явном недостатке достоверных сведений о политической истории, для реконструкции открыта социальная история, история духовной жизни и эволюция религии на субконтиненте.

Объём работы, проделанной Митро за несколько десятилетий, вместе с высоким профессиональным уровнем её исполнения и результатов, – лучшее подтверждение определения, данного Р. Тагором, – он действительно работал как целая историческая академия. К 1875 г. его заслуги уже были признаны в мире – Митро был почётным членом Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Имперской Академии наук в Вене, членом-корреспондентом Восточных обществ Германии и Америки, Венгерской королевской академии наук, членом Королевского общества Северных Антикваров Дании и т. д. По диапозону поднятых тем современникам очевиден колоссальный объем труда и задач по воссозданию индийской истории; и те из них, что решил Митро, могли быть результатом трудов многих учёных в рамках научного института. Он показал и объяснил трудности работы историка Индии – источниковедческого плана (отсутствие и недостаток источников как таковых, необходимость особых методов работы с ними), сложность реконструкции хода индийской истории в виде нарратива о политических и социальных событиях, сложность интеграции исторического знания воедино в масштабе субконтинента и т. д.

Раджендролал Митро формировал историографическую культуру исследователей, опираясь на достижения предшественников – на тот момент в большинстве своём европейцев. Его труды – пример огромного значения источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в анализе исторических данных об Индии, включая лингвистику. Он продемонстрировал важность внимания к социальной истории, истории религий и вместе с ними – истории культуры. Он открыл имеющиеся в распоряжении индийского историка-профессионала возможности: движения исторической мысли от истории регионов к пониманию истории цивилизации, к которой они относятся, возможность гипотетического заполнения лакун в исторических событиях и процессах по косвенным свидетельствам (несмотря на уязвимость гипотез и опасность мифологизации истории), на возможность воссоздания если не исторического процесса, то исторической картины повседневной жизни пространственно и темпорально локализованных сообществ.

⁵⁴ См. Ibid. 422.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алаев Л.Б. Индусское отношение ко времени и к исторической памяти (к вопросу о специфике индийской цивилизации) // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 6. С. 31–40. [Alaev L.B. Indusskoe otnoshenie ko vremeni i k istoricheskoi pamiati (k voprosu o spetsifike indiskoi tsivilizatsii) (Hindu Attitude to Time and Historical Memory (To the Question of Peculiarities of the Indian Civilization)) // Journal of the Institute of Oriental Studies RAS. 2018. № 6. P. 31–40.]
- Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВ РАН, 2013. 470 с. [Alaev L.B. Istoriografiya istorii Indii (Historiography of history of India). Moscow: IV RAN. 2013. 470 p.]
- Банерджи Кришномохан. О природе и важности исторических исследований. Пер. с англ. Т.Г. Скороходовой под ред. А.А. Нейвирт // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 173–184. [Banerzhi Krishnomokhan. O prirode i vazhnosti istoricheskikh issledovaniy. Per. s angl. T.G. Skorokhodovoi pod red. A.A. Neivirt (Banerjea Krishnamohun. On the Nature and Importance of Historical Studies) // Voprosy filosofii. 2024. № 3. P. 173–184.]
- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014. 343 с. [Vanina E.Yu. Indii: istoriia v istorii (India: History in History). M.: Nauka – Vostochnaia literatura, 2014.]
- Васильков Я.В. Индийский священный корова: история и современность [Vassilkov Ya. V. Indiskaia sviaschennaia korova: istoriia i sovremennost' (Holy Cow of India: History and the Present Day)] // Etnografiya. 2019. № 4 (6)] // Этнография. 2019. № 4 (6). С. 42–59.
- Серебряный С.Д. Азиатское общество (Калькутта) // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. 122–129. [Serebriany S.D. Aziatskoe obshchestvo (Kal'kutta) (Asiatic Society (Calcutta))] // Narody Azii i Afriki. 1987. № 6. 122–129.]
- Неру Дж. Открытие Индии. В 2-х тт. М.: Изд-во полит. лит., 1989. [Nehru J. Nehru Jawaharlal. The Discovery of India. NY: The John Day Company, [1946] (Russian Translation).]
- Скороходова Т.Г. Открытие индийской истории в общественной мысли Бенгальского Возрождения // Диалог со временем. Вып. 59. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 291–306. [Skorokhodova T.G. Otkrytie indijskoj istorii v obshchestvennoj mysli Bengal'skogo Vozrozhdeniya (Discovery of Indian History in the Bengal Renaissance Social Thought) // Dialog so vremenem. Vyp. 59. M.: IVI RAN, 2017. S. 291–306.]
- Скороходова Т.Г. Понимание Другого и диалог в философии Бенгальского Возрождения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 580 с. [Skorokhodova T.G. Ponimanie Drugogo i dialog v filosofii Bengal'skogo Vozrozhdeniya (Understanding of Other and Dialogue in Philosophy of the Bengal Renaissance). St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie [Centre for Oriental Studies Publishers], 2022. 580 p.]
- Тарор Рабиндранат. Собрание сочинений в 12 тт. / Пер. с бенг. и англ. М.: Художественная литература, 1961–1965. [Tagor Rabindranat. Sobranie sochinenij v 12 tt. (Collected Works) / Per. s beng. i angl. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1961–1965.]
- Хазанов О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций. Автореф.... канд ист. наук. Томск, ТГУ, 2002. 26 с. [Khazanov O.V. Fenomen religioznogo istorizma: nekotorye podkhody k ponimaniyu evreiskoi i indiskoi traditsii. Avtoref.... kand ist. nauk. Tomsk, TGU, 2002. 26 p.]
- Bankim Rachanāvali. Khandā. 2. Kalikata: Sāhitya Samsad, 1954. (in Bengali)
- Biswas Arun Kumar. The Era of Science Enthusiasts in Bengal (1841–1891): Akshayakumar, Vidyasagar and Rajendralala // Indian Journal of History of Science. 2012. 47.3. p. 375–425.
- Bhattacharya Krishna. Early Years of the Bengal Historiography // Indology, Historiography and the Nation. Bengal, 1847–1949. Kolkata: Frontpage, 2015. 250 P.
- Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random House India, 2011. 481 p.
- Dasgupta Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. 2nd impression. New Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
- Ghosh Amitabha. Popularization of Science in Bengal: The Pioneering Role of Rajendralal Mitra // Uncharted Terrains. Essays on Science Popularization in Pre-Independence India. Ed. by N. K. Sehgal, S. Sangwan, Subodh Mahant. New Delhi: Vigyan Prasar. 2000. P. 67–75.
- Kopf D. British Orientalism and Bengal Renaissance. Berkeley: University of California Press, 1969. 324 p.
- Mitra Rajendralala. The Antiquities of Orissa. In 2 Vols. Calcutta: Wyman and Co, 1875–1880.

- Mitra Rajendralala. Indo-Aryans: Contributions towards Elucidation of Their Ancient and Mediaeval History. In 2 Vols. L.: Edward Stanford, Calcutta: W. Newman & Co, 1881.
- Mukherjee Bimala Prasad. History // Studies in the Bengal Renaissance / Ed. by A. Gupta. Calcutta, 1958. P.360–385.
- Poddar Aravinda. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. Simla: Indian Institute of Advanced Studies, 1977. 252 p.
- Sarkar Sumit. Writing Social History. New Delhi, Oxford University Press, 2010. 390 p.

Скороходова Татьяна Григорьевна, доктор философских наук, профессор, кандидат исторических наук, Пензенский государственный университет. skorokhod71@mail.ru

The experience in discovery of Ancient India's history: the works of Rajendral Mitra and the historical consciousness of the Bengal Renaissance

Based on the analysis of the historical works of the Bengal scholar, the author examines the achievements of Rajendral Mitra in the study of Indian history. The first professional historian, he was the bearer of a special experience of scientific “discovery of India” and its history in the Bengal Renaissance. R. Mitra had overcome the traditional Indian neglect of history and lack of historiography with the European historical approach and methods. He has considered all available sources on Indian history – from scriptures and other texts to architecture and sculpture – in his scrupulous attempts to reconstruct the history of the region (Orissa) and to restore the general image and path of India's ancient history. The article highlights R. Mitra's general understanding of Indian history as a composite interaction of races (Aryan and Dravidian) and religions, as well as on his theoretical principles: adherence to the comparative-historical method, rejection of a mythologizing view of the country history, attention to the social history of everyday life, and belief in the universality of humanity. Mitra's multifaceted and varied writings can be seen as a sign of the effective development of historical consciousness among the intellectual elites of the epoch and the foundation for a young historical scholarship in modernizing India.

Keywords: *Historiography of Modern India, Rajendral Mitra, the Bengal Renaissance, historical consciousness, universalist approach, comparative method, ancient Indian history, social history.*

Skorokhodova Tatiana Grigorievna, Doctor of Philosophical science; PhD in Historical sciences, Professor, Penza State University, skorokhod71@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>А.Б. Соколов</i> Методологический вектор исторического познания (1950-е гг. – начало XXI в.)	5
<i>Д.Г. Горин</i> Грамматические тропы и повторяемость в истории социально-эпистемологические ракурсы.....	17

Интеллектуальная история сегодня

<i>Г.С. Рагозин</i> Австрийский консерватизм конца XVIII – первой трети XIX века в немецкоязычной историографии после 1945 г.....	31
<i>Т.Т. Кручковский</i> Польский вопрос в России XIX– начала XX Века в оценке Н.И. Кареева. Ч. 2...	47
<i>А.А. Турыгин</i> Пангерманский союз и воззвания немецких профессоров в 1914–1915 гг. (по воспоминаниям Д. Шефера).....	63
<i>Т.Г. Скорородова</i> Опыт открытия истории древней Индии: труды Раджендролала Митро и историческое сознание Бенгальского Возрождения.....	80
<i>Е.Ю. Жарова</i> А.Н. Волков (1844–1928): как художник не стал ботаником.....	98
<i>Л.А. Сидорова</i> Отражение личности историка в его текстах М.В. Нечкина и ее работа «В.О. Ключевский».....	114
<i>Т.А. Булыгина, М.Е. Колесникова</i> Историческая наука и историческое образование на Ставрополье как составляющие локального и общенационального интеллектуального пространства: становление системы высшего образования в крае (Статья 1)...	131
<i>К.П. Курылев</i> Развитие масонства в Европе и США на современном этапе.....	148

Образы прошлого: история и память

<i>Н.И. Горская</i> Историческая память и участие смолян в практиках коммеморации военной истории XIX века (на примере Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)	164
<i>К.А. Зверев</i> Холокост в Прибалтике современные оценки в местном историческом дискурсе.....	178
<i>С. И. Быкова, А.А. Сергеева</i> Неоднозначное прошлое» юбилейная дискуссия о ГДР в журнале «Der Spiegel», 2015.....	189
<i>К.А. Маретина</i> К вопросу актуализации нематериального культурного наследия древнеиндийские эпосы в современной Индии.....	204

ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАТОР ОБЪЕКТА

DIGITAL OBJECT IDENTIFIER (DOI)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

История и теория

А.Б. СОКОЛОВ

Методологический вектор исторического познания
(1950-е гг. – начало XXI века)
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.029](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.029)

Д.Г. ГОРИН

Грамматические тропы и повторяемость в истории:
социально-эпистемологические ракурсы
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.030](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.030)

Интеллектуальная история сегодня

Г.С. РАГОЗИН

Австрийский консерватизм конца XVIII – первой трети XIX в. в немецко-язычной историографии после 1945 г.
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.001](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.001)

Т.Т. КРУЧКОВСКИЙ

Польский вопрос в России XIX – начала XX века
в оценке Н.И. Кареева. Часть 2
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.002](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.002)

А.А. ТУРЫГИН

Пангерманский союз и воззвания немецких профессоров
в 1914–1915 гг. (по воспоминаниям Д. Шефера)
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.003](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.003)

Т.Г. СКОРОХОДОВА

Опыт открытия истории древней Индии: труды Раджендролала Митро
и историческое сознание Бенгальского Возрождения
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.004](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.004)

Е.Ю. ЖАРОВА

А.Н. Волков: как художник не стал ботаником
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.005](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.005)

Л.А. СИДОРОВА

[10.21267/AQUILO.2025.90.90.006](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.006)
Отражение личности историка в его текстах М.В. Нечкина
и ее работа «В.О. Ключевский»

Т.А. БУЛЫГИНА, М.Е. КОЛЕСНИКОВА

Историческая наука и историческое образование на Ставрополье
как составляющие локального и общенационального интеллектуального
пространства: становление системы высшего образования в крае (Статья 1)
[10.21267/AQUILO.2025.90.90.007](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.90.90.007)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

90 / 2025

Главный редактор

Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции

119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423

Тел. +7 (495) 938–53–91

Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ;

Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Формат 60х90 / 16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru

ООО «Сам Полиграфист»

Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5

Тел.: +7 495 545–37–10

Эл. почта: info@onebook.ru

Адрес в Интернете: www.onebook.ru

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q2 (апрель 2024 г. – н.в.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.